Г.Н. Яковлев

Спорные истины «школьной» литературы

Григорий Наумович Яковлев
Спорные истины «школьной» литературы

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18572602
Спорные истины «школьной» литературы [Электронный ресурс], 2-е изд.: Агентство электронных изданий «Интермедиатор»; Москва; 2016
ISBN 978-5-222-17954-3

Аннотация

Книга известного московского учителя словесника, кавалера медали Пушкина, много лет проработавшего заведующим кафедрой русского языка и литературы Центра образования № 1811, состоит из литературно-критических эссе, посвященных произведениям «школьных» писателей и поэтов – Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Горького, Блока, Маяковского, Фадеева. Отличительная черта этих эссе – новые, оригинальные ответы на «давно отвеченные» вопросы. Убедительная аргументация автора ломает привычные догмы и представления, десятилетиями внедрявшиеся в сознание школьников. Попутно учитель-мастер делится опытом воспитания в учениках самостоятельного, нешаблонного мышления. Вошедшие в книгу эссе публиковались в журнале «Литература в школе», газете «Литература», «Учительской газете», «Литературной

газете» и др. и вызвали живой отклик со стороны учителей и литературных критиков. В настоящем издании наиболее значимые публикации впервые собраны вместе и, при необходимости, доработаны. Для преподавателей средних учебных заведений, методистов, студентов педвузов, а также для всех неравнодушных к отечественной классической литературе.

Содержание

Солнечный голос Учителя 6
Пушкин против «Голиафа Фиглярина» 17
Жаркое лето тридцать первого года 18
Рождение Косичкина 22
«Блистательные солнца нашей словесности» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Григорий Наумович Яковлев Спорные истины «школьной» литературы

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Спорные истины «школьной» литературы / Г. Н. Яковлев. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2010.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© А. Г. Яковлев, 2010

Солнечный голос Учителя

Григорий Наумович был учителем от Бога[1]. Он с самого начала в преподавании литературы шел своим собственным путем. Чужие мнения, с какого бы высокого потолка они ни спускались в советскую школу, для него никогда не были настолько святы, чтобы отказаться от своего собственного. В 90-е годы его называли педагогом-новатором, хотя он был им всегда.

Но Г. Н. Яковлеву рамки урока оказывались тесны. Сколько мыслей остается невысказанными! Сколько вопросов еще хотелось бы обсудить – и с ребятами, и с коллегами! Для творческого человека это не проблема, был бы чистый лист бумаги и (хотелось написать по-старинному) – перо.

Много лет Григорий Наумович писал критические статьи. Свыше семидесяти опубликовано в различных изданиях, в том числе в хорошо известном учителям-словесникам приложении к газете «Первое сентября» – «Литература».

Его статьи – это спокойный и взвешенный пересмотр закосневших литературоведческих и методических позиций, на которые опиралась советская школа и частенько опирается нынешняя. Нас учили, что Тарас Бульба – патриот роди-

---

[1] Увы, приходится писать «был», поскольку в октябре 2009 года нас постигла невосполнимая утрата – см. некролог «Памяти Григория Наумовича Яковлева» в газете «Литература», № 24 от 16–31. 12.2009, с. 2.

ны и храбрец. Морозка из фадеевского «Разгрома» – рыцарь революции, а Мечик – предатель и трус. Что герои поэмы А. Блока «Двенадцать» – «апостолы нового мира», а Одинцова из романа И. С. Тургенева – холодная, бесчувственная особа. Что горьковский Лука – опасный лжец, а Сатин – певец человеческого достоинства.

Григорий Наумович открывает книгу, и оказывается – как же мы этого не замечали? – что Тарас Бульба – бандит и убийца, Морозка – вовсе не герой, Сатин – равнодушный к чужой боли фразер, что Мечик, Лука – люди, умеющие глубоко чувствовать и сострадать окружающим. И доказывает он это спокойно, четко, аргументируя каждую свою мысль строчками текста.

Ценности, которые отстаивает учитель, – абсолютны. Это милосердие, уважение к людям. Этим определяется и его исследовательская манера, в которой сочетаются теплота и требовательность. Прежде чем осуждать или защищать героя, он стремится воссоздать его полный портрет со всеми плюсами и минусами, со всеми тайными движениями души и особенностями характера. Получается красочная, объемная картина. Григорий Наумович учит видеть мир панорамно, во всём богатстве его красок. Ведь жизнь не готовая схема, а люди не черно-белые трафареты, в них намешано и хорошее, и плохое. Надо потихоньку уходить от юношеского беспощадного, нигилистического максимализма. Надо учиться понимать и жалеть человека. Об этом – все статьи Г. Н. Яко-

влева.

Читать их – удовольствие: тут и неожиданная постановка проблемы, и смелость умозаключений, и чувство юмора, доброта, интеллигентность, деликатность – и в то же время спокойная твердость. Григорий Наумович умел вести диалог – с учениками, с друзьями, с читателями, но никогда не навязывал своего мнения и готов был выслушать чужое. Он бесстрашно восставал против грубости, хамства, унижения человеческого достоинства. Именно поэтому ему были отвратительны грубый цинизм, пренебрежение к окружающим и жестокость, которые демонстрируют Морозка, Сатин, двенадцать красногвардейцев. Автор статей стремится отстоять общечеловеческие ценности, а не сиюминутные идеологические. И в этом он бесстрашен и тверд. Он поднимается на защиту традиционно критикуемого Мечика, потому что у того, в отличие от бессердечного и примитивного Морозки, «есть совесть, есть стыд, сострадание, жалость к людям, душевная мягкость» («Ошибка Фадеева или Мечика?»).

Почти все статьи этого сборника – полемические. Непривычен взгляд Г. Н. Яковлева и на героиню романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» («А кто такая Одинцова?»). Вся статья проникнута уважением к женщине вообще, восхищением перед нею, удивлением перед вечной ее загадкой. Вот и Одинцова, по мысли Григория Наумовича, личность сложная и неоднозначная. Обвинения ее в холодности, неумении любить он отвергает и в доказательство приводит строки са-

мого Тургенева.

Реабилитирует критик и Луку, «утешителя» из пьесы М. Горького «На дне» («Лгал ли Лука?»). И опять – дотошная работа с текстом, внимательное прочтение, обращение к архивам современных больниц. И что же? Десятилетиями затверженные схемы рушатся, как карточный домик. «Вредоносный» Лука оказывается милосерднее, мудрее, порядочнее «правильного» Сатина, которого возвеличивала советская критика и который на самом деле жестокий циник, ни во что не ставящий чужую жизнь. Это Сатин, а не Лука подталкивает к самоубийству Актера – достаточно перечитать эпизод! А ведь в пьесе всё это написано! Чему, получается, учили школьников? Хамству, пренебрежению к окружающим, равнодушию и жестокости. Да, Лука утешитель. Но, напоминает Г. Н. Яковлев, Утешителем называл себя Иисус Христос. «Почему драгоценные человеческие качества – доброта, сочувствие, сострадание, стремление помочь людям, утешить их – стали мишенью многолетних нападок литературоведов и пропагандистов?» – вопрошает автор статьи. И сам же отвечает: потому что есть знаменитая цитата Горького о том, что Ленин «вычеркнул из жизни тип утешителя». Какая горькая и жгучая ирония в словах Григория Наумовича: «Что и говорить: Ленин не был утешителем; сколько замечательных людей он и его наследники „вычеркнули из жизни“, провозгласив отказ от морали в политике… Неужели уж так вредна жалость? Равнодушие или жестокость луч-

ше? „Не жалеть… не унижать его жалостью… уважать надо!“ – патетически возглашает Сатин. Да кто же, если не Лука, единственный в ночлежке, по-настоящему уважает униженных и оскорбленных не им людей? Он не раз напоминает: „Всякого человека уважать надо“ – и поступает соответственно. Не жалеть, не утешать, держать в ежовых рукавицах – это по-сталински, по-ежовски. А хорошая поэтесса Юлия Друнина пожаловалась в стихотворении: „Кто б меня, унизив, пожалел…“ Пожалел бы – может, и не покончила бы самоубийством мужественная женщина, прошедшая войну». Как сильно и здорово, как по-человечески: не отвлеченные разговоры, а конкретный пример из жизни. Это стиль Яковлева-педагога: неожиданный, хлесткий пример – и ты задумываешься.

Методисты, чтобы доказать иллюзорность слов Луки, приводят стихи, которые читает Актер. Григорий Наумович обратился к первоисточнику – стихотворению Беранже в переводе Курочкина – и привел финальные строки, которые Горький цитировать не стал: «В Новый мир по безвестным дорогам // Плыл безумец навстречу мечте, // И безумец висел на кресте, // И безумца мы назвали Богом!» Ответ, достойный романтика-шестидесятника. Во-первых, уже потому, что Григорий Наумович всем сердцем разделял мысль, утверждаемую в этих стихах. А во-вторых, потому, что находчиво предъявил последний, самый главный аргумент: кто теперь посмеет обвинять Луку?

Г. Н. Яковлев, как и другие представители его поколения, обладал чувством обостренной ответственности за судьбы страны. Вот почему еще он так отстаивал «поэта и гражданина» Н. А. Некрасова («Ему судьба готовила путь славный, имя громкое…»). Ему близки мысли и чувства Некрасова, который считал долгом каждого порядочного, интеллигентного человека бороться с косностью и равнодушием в обществе и мучился, когда трусость и стремление к комфорту побеждали. Григорий Наумович обратил внимание на поистине удивительное стихотворение Некрасова, написанное как будто кем-то из рефлектирующих шестидесятников в середине XX века.

Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу…
Но – гибнуть жертвой убежденья
Я не могу… я не могу…

Так, благодаря классику середины 19 века, учитель XXI века говорит с учениками о том, что волнует его поколение, – об активной гражданственности – и побуждает ребят заду-

маться о собственной жизненной позиции.

Статьи Г. Н. Яковлева вызывали живой интерес не только учителей, но и критиков. Так, известный литературовед, профессор РГГУ Г. А. Белая включила фрагменты его статьи в свою последнюю монографию. Мнение Г. Н. Яковлева о «Двенадцати» представлено во всех изданиях учебника-практикума «Русская литература XX века».

Читаешь статьи Григория Наумовича – и испытываешь радость. От того, что правда есть и есть люди, эту правду бесстрашно отстаивающие. К тому же язык статей – прекрасный. Живой, свободный, вдохновенный, эмоционально-плотный, энергичный, временами звенящий от гнева и сочувствия и – полный любви. Может быть, полемический накал статей Г. Н. Яковлева кому-то покажется излишним. Но это свойство шестидесятников – отстаивать свою точку зрения эмоционально, без оглядки вкладывая в это все душевные силы.

Григорий Наумович понял, что, тенденциозно используя классическую литературу, комментируя ее в соответствии с идеологическими соображениями, власть тем самым оправдывает собственную тиранию и утверждает право на убийство «ради высоких целей». В школьную программу включались произведения, в которых жестокость выглядела вдохновенной, а убийство порой было чуть ли не эстетичным. Сам стиль произведений, талантливый, самобытный, опасно очаровывал и убеждал читателя в том, что подлость мож-

но оправдать высшими устремлениями. Убийство Тарасом Бульбой сына, убийство раненого партизана Фролова в «Разгроме», убийство Катьки в «Двенадцати» – такая выстраивается жутковатая цепочка. Григорий Наумович призывал иметь свое мнение, чтобы не стать жертвой навязчивого идеологического зомбирования.

Все эти морозки, «двенадцать апостолов нового мира» (или все-таки бесов?) удостаиваются от учителя-гуманиста таких строк: «…невежественные, презирающие интеллигенцию, люди невысокой морали и культуры, идущие по земле „без имени святого“, отрицающие, по выражению Левинсона, „злого и глупого Бога“». «Хорошенький» портрет стоящих у кормила власти! И как бы читатель ни относился к принципам и стилю эссе Г. Н. Яковлева, не может не вызвать уважения его активная позиция, умение бороться за свои идеалы.

Книга называется «Спорные истины „школьной“ литературы». Вот она, демократичность учителя и критика-публициста, готовность к диалогу!

Радует жанровое многообразие сборника. Первая статья, «Пушкин против „голиафа“ Фиглярина», – историко-литературная. Прекрасный материал в помощь учителю о Пушкине и его борьбе с Булгариным. Другая статья, «Ай да Пушкин!», – о всевозможных «ляпах», которые допускают авторы школьных учебников, писатели и журналисты, пишущие о классике. Когда дело касается великой литературы, автор

встает на защиту истины и выступает против небрежности и искажения смысла. «Свое суждение иметь» – статья методическая. Но сухое это слово не вяжется с увлекательным рассказом о жизни одного класса, о том, как ребята учатся мыслить и отстаивать свое мнение. Слава мудрым и смелым учителям, знающим, как воспитать Личность, которая смеет «свое суждение иметь» и в то же время умеет быть терпимой к мнениям других людей. Слава этим учителям – Дон Кихотам, которые самоотверженно и последовательно ведут ребят по трудному и счастливому пути! А с какой любовью педагог говорит о своих учениках: «мои спорщики», «мои дорогие взрослеющие девочки и мальчики». Господи, если бы каждому повезло с таким учителем, насколько уменьшилось бы в мире количество зла!

…Виталий Коржиков, поэт, известный детский писатель, однокурсник Григория Наумовича, узнав о подготовке настоящего сборника, попросил включить в предисловие следующие слова:

> Гриша Яковлев – с большой буквы Гомо Сапиенс. Это человек, изначально одухотворенный. У него всегда рождается какая-то доброзаряженная мысль. Чем бы он ни занимался, в нем работает умный, добрый, творческий дух. Этот дух в нем никогда не угасал: и когда он был учителем на Северном Сахалине, и когда был солдатом среди вулканов Камчатки. Всегда в нем жил преданный ученик Пушкина, верный литературе с юности. Гриша очень верный человек: своей работе,

которую очень любит, и товариществу, которому очень верен.

Это человек-творец, который постоянно рождает идеи, одухотворяется ими сам и зажигает ими других. Счастливыми обязаны быть ученики, которым достался такой учитель. Вспомним строки Пушкина: «Куницыну дань сердца и вина! // Он создал нас, он воспитал наш пламень, // Поставлен им краеугольный камень, // Им чистая лампада возжена». Любой ученик, по-моему, может сказать эти слова о Грише, потому что он всеми своими убеждениями способен поставить «краеугольный камень» настоящей человеческой жизни и возжечь «чистейшую лампаду».

Мнение Г. И. Беленького, доктора педагогических наук, профессора, главного научного сотрудника Института содержания и методов обучения РАО, ознакомившегося с рукописью Г. Н. Яковлева:

Книга будет интересна прежде всего молодому учителю, незнакомому в той мере, как знаком автор, с некоторыми аспектами литературной жизни в далеком и не столь далеком прошлом.

Не со всеми мыслями автора можно согласиться, но ведь речь-то идет именно о спорных вопросах. Достаточно подумать над ними, взвесить все «за» и «против» и таким образом выработать свою точку зрения…

Как жаль, что я уже не могу сесть за парту в классе Гри-

гория Наумовича! Но я могу открыть сборник его статей. И снова зазвучит солнечный голос Учителя, и каждое слово окрыляет и дает возможность снова поверить в добро и справедливость!

Н. Ю. Богатырева, к. филол.н. (*МПГУ*)

Пушкин против «Голиафа Фиглярина»

О, сколько лиц бесстыдно бледных,
О, сколько лбов широко-медных,
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать.

А. С. Пушкин

…Его Величество, будучи уверен в преданности Вашей, всегда расположен оказывать Вам милостивое свое покровительство.
Из письма шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа Ф. В. Булгарину

Жаркое лето тридцать первого года

Летом 1831 года Александр Сергеевич с прелестной Натали спасался от зноя на даче Китаевой в Царском Селе, недалеко от Лицея, и готовился отпраздновать девятнадцатилетие своей «мадонны». Но небо было безоблачным, может быть, только над Царским Селом, где поэт мечтал отдохнуть душой и телом «в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний» (письмо Плетневу от 26 марта 1831 года). Рядом, в Петербурге, – буйство холеры, в Польше – восстание, во Франции – антирусские выкрики и угрозы (не было бы войны!). Финансовые дела Пушкина расстроены. Долги, долги… Нет, от политики и от быта никуда не уйдешь. Великое и малое волнует, и всё, вероятно, достойно поэзии. Молодая жена аккуратно переписывает набело еще никому не известные строки:

И роди богатыря
Мне к исходу сентября…

И вдруг – проза. Стремительным пушкинским почерком многократно выведенная фамилия – Булгарин. Кто такой Булгарин? Почему даже здесь, на вожделенном отдыхе, в Царском Селе, Пушкин не может не думать об этом человеке!

Фаддей Венедиктович Булгарин – едва ли не самая одиозная фигура в истории русской литературы. Ловкий делец от журналистики, на бесчестную голову которого были обрушены десятки беспощадных эпиграмм лучшими поэтами, среди которых имена Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Некрасова. Холуй, доносчик, брезгливо поощряемый державными хозяевами, презирающими его. Кто же он?

Выходец из польских дворян, Булгарин после раздела Польши оказался подданным России. Служил сначала в русской армии, а в грозовом 1812 году – в армии Наполеона. В 1814 году во Франции взят в плен немцами и возвращен в Варшаву. В 1819 году появляется в Петербурге и, числясь «отставным французской службы капитаном», провозглашает себя литератором и русским патриотом, либералом (модно), старается расположить к себе Грибоедова, Рылеева, но в то же время еще до восстания 14 декабря подлаживается к правительству, а после разгрома восстания, страшно перепуганный, становится тайным агентом Третьего отделения и неустанно всю жизнь строчит доносы – на Пушкина, Вяземского, Погодина и многих других, вплоть до Некрасова, обвиняя их то в неблагонадежности («…чванится пред чернью вольнодумством» – о Пушкине), то в антипатриотизме, литературном аристократизме и проч. Он рьяно защищает основы политического строя и создает «массовую культуру»: выпускает один за другим низкопробные верноподданнические романы о Выжигиных, за которые получает в награду

по бриллиантовому перстню от царя. Впрочем, не гнушается ничем: издает под своим именем книгу профессора Н. А. Иванова, служит в министерстве просвещения и в государственном коннозаводстве. Многие годы Булгарин вместе с Н. И. Гречем (также связанным с Третьим отделением) издавал единственную в России политическую и самую многотиражную газету «Северная пчела», журналы «Северный архив», «Сын отечества», оказывая влияние на идеологию и психологию тысяч читателей. «Фиглярин» благополучно дожил до 70 лет и умер в 1859 году в чине действительного статского советника (чин, которого удостаивались губернаторы России), нажив к тому времени громадный капитал.

Пушкин, естественно, был антиподом Булгарина и мешал ему своим существованием, своим образом мыслей, деятельностью, талантом, и журналист не стеснялся в выборе оружия против поэта и его единомышленников: пасквильные фельетоны («китайские анекдоты») и прямые доносы, порочащие намеки и оскорбления в печати – все шло в ход с благословения властей предержащих. «…Он продает свои сальные пасквили из-под порфиры императорской», – возмущался Пушкин (письмо П. А. Вяземскому от 1 июня 1831 года). Поэт не оставался в долгу: отвечал остроумными эпиграммами и разоблачительной статьей «О записках Видока», помещенной в «Литературной газете». Видок – французский сыщик, в прошлом палач, дезертир и уголовный преступник. Воспользовавшись сходством биографических черт Булга-

рина и Видока, Пушкин раскрыл сущность подлой натуры продажного журналиста, напомнил о его связи с Третьим отделением. Видоком и Фигляриным Пушкин называл Булгарина и в эпиграммах, ходивших по рукам. «Полицейский Фаддей», «сволочь нашей литературы», «шпионы-литераторы» – так именует он Булгарина и Греча в письмах. Нарастает страстное желание пригвоздить негодяев к позорному столбу. В мае 1830 года Пушкин пишет Плетневу: «Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина… У меня есть презабавные материалы для романа: „Фаддей Выжигин“: Теперь некогда, а со временем можно будет написать это». И час настал. Есть повод для выступления. Пушкин держит в руках недавно вышедшие книги: новый роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин» и три лубочных романа А. А. Орлова, пародирующие «Выжигиных» Булгарина.

Рождение Косичкина

Одновременным выходом в свет изделий Булгарина и Орлова воспользовался Н. Надеждин – умный издатель журнала «Телескоп». В № 9 своего журнала за 1831 год он, сравнив их, сделал задиристый вывод, что произведения Орлова лучше. Это серьезно задевало самолюбие Фаддея: Орлов был всеми признан базарным писакой, над ним смеялись. В защиту «журналами обиженного жестоко» сообщника немедленно выступил Греч («Сын отечества», № 27 за 1831 год). Куря фимиам Булгарину, Греч, между прочим, говоря о романе Загоскина «Рославлев», сделал ядовитую сноску: «… перед которым издатель „Телескопа“ растянулся плашмя, потряхивая косичкою». Не раз приходилось Надеждину слышать насмешки над его недворянским происхождением, над его «косичкой» (он был сыном дьякона, окончил семинарию и духовную академию). «…Потряхивая косичкою» – прочел Пушкин в журнале Греча и подумал, вероятно: «Что ж, вот и псевдоним». Впрочем, это моя версия.

И вскоре вместо издателя с «косичкой» на арену вышел Феофилакт Косичкин, продолжавший с несравненно большим успехом дело, начатое Надеждиным. Имя тоже было выбрано не случайно. Феофилакт – в переводе «Богом хранимый». Никому не ведомый автор, видимо, только с Божьей помощью надеялся одолеть столь коварного и опытного про-

тивника, как Булгарин. В то же время псевдоним в целом настраивал читателя на веселый лад благодаря несоответствию грозного и величественного по звучанию «Феофилакта» мелкому и простоватому «Косичкину». И это было своеобразной подготовкой читателя к осмеянию Фаддея. Имя неизвестного Ф. Косичкина позволяло Пушкину не только судить о книгах, которых, по его словам, «образованный класс читателей не читает», но и прямо и грубо называть вещи своими именами и даже, если надо, грозить кулаком. Конечно, роль Косичкина – пародийная. Пародирует же он литературные приемы, стиль высказываний и формы общения Булгарина и Греча.

«Блистательные солнца нашей словесности»

Первая статья Косичкина – «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» – появилась в журнале «Телескоп» № 13 в августе 1831 года. Автор с витиеватостью шекспировского Полония превозносит и Булгарина, и Греча, и, разумеется, Орлова, которого взялся защищать от нападок Греча. Он восторгается «взаимным уважением» издателей «Северной пчелы», «сходством душ и занятий гражданских (связь с Третьим отделением? – *Г. Я.*) и литературных». Но сладкая дымка фимиама все резче пронизывается лучом отнюдь не безобидной пушкинской иронии, сдобренной россыпью многозначительных намеков на известные факты. Так, Булгарину противопоставляются благородные писатели, «не переметчики, для коих ubi bene, ibi patria[2], для коих все равно: бегать ли под орлом французским или русским слогом позорить все русское – были бы только сыты».

Косичкин бьет врага его же оружием, не пренебрегая принципом «сам съешь», по поводу которого Пушкин както заметил: «„Сам съешь“ есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики». Вы обвиняете меня в отсутствии

---

[2] Где хорошо, там и отечество (*лат.*).

патриотизма – и то слащаво, то высокопарно разглагольствуете о «нашей родимой Москве», о «матушке Москве» и России? А сами-то, сами: «Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях „Сына отечества“ и „Северной пчелы“. Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1812 году от всякого сброду». Это – Косичкин, и это – пародия. Нельзя заподозрить Пушкина в национализме; достаточно вспомнить эпиграмму на Булгарина: «Не то беда, что ты поляк…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.